

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

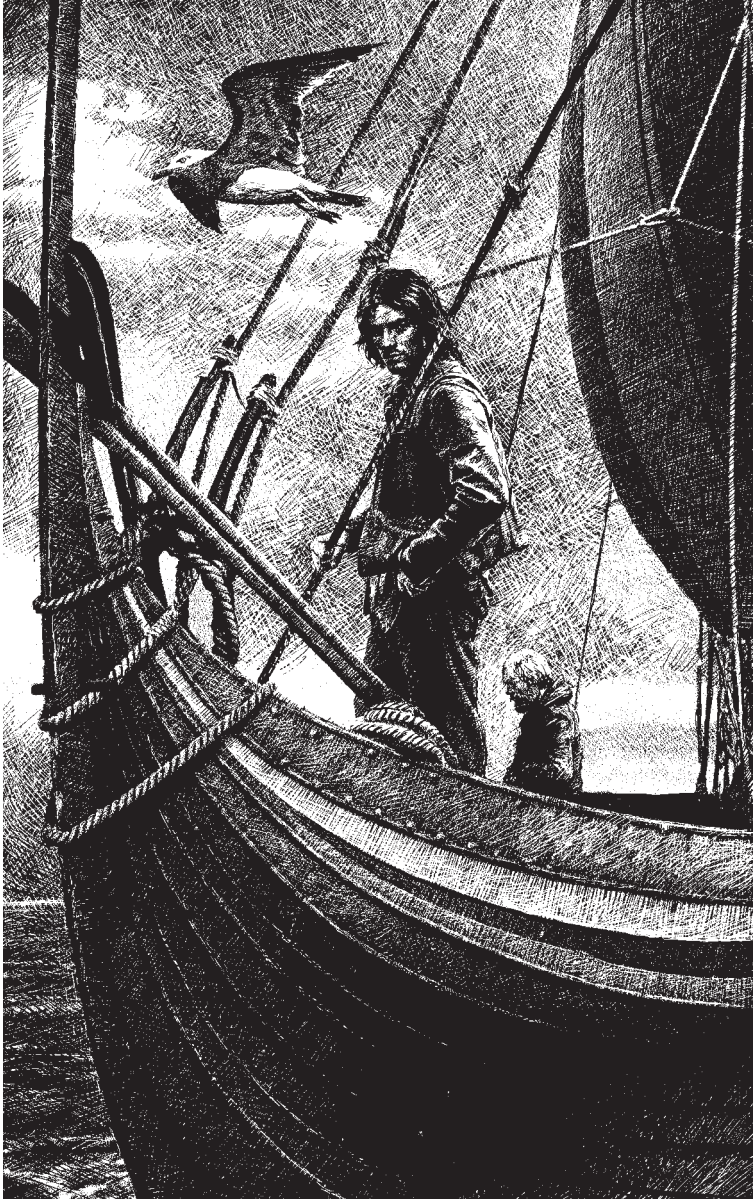
ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД

УДАЧНИК ЛЕОНАРД. ЭХО ПРЕЖНИХ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

УДАЧНИК ЛЕОНАРД.
ЭХО ПРЕЖНИХ

РОМАН

Москва. 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1045

Художник
В. Федоров

Корн В.

К67 Удачник Леонард. Эхо Прежних: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2382-8

Утверждают, что самыми суеверными являются люди опасных профессий. Опасности в ремесле Счастливчика Леонарда и его людей хоть отбавляй, ведь они — охотники за сокровищами Прежних. А еще говорят, что к своим мечтам следует относиться с осторожностью. Случается, что их исполнение оборачивается огромными проблемами. Так произошло и с Лео. Но он справится, потому что рядом с ним его любимая девушка, верные друзья и могучий бойцовый пес древней калхнийской породы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Корн, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2382-8

ПРОЛОГ

— Ну ведь знала же я, что именно так все и произойдет! Никогда ты меня не слушаешься! Лео, и что ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь!

И что я могу сказать? Да — деньги потеряны. Ровно сто золотых. Согласен — по моей вине. И все же часть вины лежит и на тебе. Суди сама — поначалу, когда я рассказал тебе о предложении, ты заявила: Лео, не вздумай упускать такой шанс! Затем тебе ночью приснился дурной сон, как ты выразилась — вещий, и я услышал от тебя обратное — не соглашаться ни под каким предлогом. После чего, ближе к вечеру, ты снова переменяла свое мнение на противоположное. А затем еще раз. И чего именно я должен был послушаться, если со счету сбился? У меня даже не получилось воспользоваться вековой народной мудростью: послушать женщину и сделать наоборот. Потому что совсем было непонятно: наоборот — это как именно?

— И я едва не вышла за этого человека замуж!

— А что, наша любовь стоит всего-то сто монет? Ладно бы последних, но у нас достаточно золота, чтобы не беспокоиться о деньгах в ближайшие сорок лет.

— Это с тобой-то не станешь о них беспокоиться?! Да их на полгода не хватит, если ты и дальше будешь так транжирить!

— Не буду больше их транжирить. Сама этим занимайся. Как в случае с серебряным сервизом, который нам пришлось бросить. Кто на него деньги потратил? Пусть не сто золотых, но двадцать, и где они теперь?!

— Лео, ну ты же сам видел, какой он красивый! И как он смотрелся бы на полках возле камина! Представляешь, как

завораживающе играли бы отблески пламени на боках всех этих кубков, ваз, графинов и прочего!

— Так у нас и дома-то еще нет, зачем было покупать сервиз?

— Вот ты всегда так: нет чтобы о будущем подумать!

— Как это не думаю? А куда ушли сто монет? В залог на его приобретение. Но кто же мог знать, что нам придется бежать?

— А ты никогда ничего не знаешь!

Вспору было схватиться за голову, но я не стал. Отчасти Рейчел была права. Да и Клер тоже.

Хотя это одна и та же девушка — Рейчел и Клер. Просто до последнего времени я не подозревал, что настоящее имя Клер — Рейчел.

— На нашу свадьбу я тебе еще лучше сервиз подарю.

— Вот ты в точности такой же, как и все остальные мужчины!

— В чем именно «такой же в точности»?

— В том, чтобы загнать несчастную жену на кухню, и чтобы она оттуда не вылезала.

— Ладно, — вздохнул я, с трудом уловив связь между сервизом из серебра и ее словами: из чего бы ни изготовлена посуда и какой бы красивой она ни была, все равно ею и останется. — Кстати, где мои болты для арбалета? Ты сказала, что сунула их к себе в багаж.

— Так получилось, что потом мне пришлось их выложить.

— Почему?

— Иначе не все платья помещались.

Я едва за голову не схватился.

— Клер, какие могут быть платья, если нам грозит смертельная опасность?! Ты понимаешь, что, если нас сейчас обнаружат, спасти жизнь нам помогут не твои наряды — арбалетные болты! Скажи, ну зачем ты их выложила?

— Я же тебя объясняю, что места не хватало. Мог бы их и к себе положить.

— Не мог! Потому, что у меня тоже не хватало места из-за других твоих нарядов, и ты сказала, что положишь их к себе.

— Лео, ну что ты так нервничаешь? У тебя же еще и сабля есть. И вообще, не называй меня Клер, сколько можно тебе говорить? Я — Рейчел!

— Хорошо, Клер, больше не буду.
— Ах, вот даже как?! А я-то хотела тебе болты отдать!
— Так они у тебя с собой?!
— Нет, я как последняя дуручка их оставила!
— Так почему ты мне солгала?
— Не солгала, а пошутила. Мне безумно нравится, когда ты на меня злишься: у тебя такой грозный вид! И вообще, хватит на меня кричать! — Хотя я даже не думал. — Хочешь пирог? Твой любимый, с мясной начинкой. Я специально с собой прихватила: вдруг, думаю, мой Лео проголодается. Ты кушай, кушай: обожаю смотреть, как ты ешь!

Начиналось все замечательно. После бегства из Андлавии мы наконец-то добрались в Гирус, где собирались обосноваться навсегда.

Мы — это Блез Оберон, последний представитель клана Рысей. Блез — воин, и во владении мечом, например, он лишь немногим уступает Гаспару Перлейну. Бывшему моему сослуживцу, который является мастером во всем, чем только можно отправить человека на тот свет. Сам я с любым оружием тоже знаком накоротке, но основным моим талантом является точность в стрельбе из арбалета. В этом, без ложной скромности, равных мне искать долго и, возможно, так и не найти.

Еще один из нас — Теодор Модестайн. Иногда просто Тед, но чаще всего — Головешка. Потому что глядя на него — смуглого, черноволосого, черноглазого и с фигурой подростка, именно «головешка» и приходит на ум. Теодор совсем не боец, и пусть в любой критической ситуации он предпочтет отсидеться в кустах, дара каким-то непостижимым всем образом обнаруживать руины Прежних у него не отнять. Ну и конечно же Рейчел, моя любимая девушка. Иногда вредная, иногда ласковая, но всегда красивая. Помимо того она — замечательный лекарь.

Все вместе мы — команда охотников за сокровищами Счастливчика Леонарда. Моя команда, ибо я — он и есть.

Гирус — огромный портовый город, где жизнь кипит ключом и где так легко было затеряться, если длинные руки господина Брестиля все же смогли бы до нас дотянуться. Того

самого Брестиля, спасаясь от преследований которого, нам и пришлось покинуть родину.

Поначалу все шло неплохо. Мы освоились, и вскоре мне удалось подыскать для нас с Рейчел прекрасный каменный дом и даже внести за него залог. Но затем случилось то, что трудно было предположить: на Рейчел положил глаз Кайджис — сын местного правителя. Мало того что положил, так еще и влюбился. Привыкший ни в чем себе не отказывать, он не сомневался в успехе. Но когда понял, что в случае с девушкой ему ничего не светит, он сделал такой подлый шаг, что нам только и оставалось, что срочно покинуть Гирус.

Кайджис, чтобы устранить соперника, обвинил нас в том, чего мы никогда не совершали — в разбойничестве. Ладно бы только меня одного, но и Блез, и Гаспар, и Головешка в одночасье вдруг стали головорезами.

Начальник городской стражи легко пошел Кайджису навстречу. Он просчитался лишь в одном: количество стражников, которые и должны были нас арестовать, следовало бы увеличить как минимум втрое. Ну а затем, когда пролилась кровь, обратной дороги у нас уже не было.

— Лео, к нам кто-то идет!

— Где?

— Да вон же! Видишь?

— Нет.

— Ну как не видишь?! Ты что, внезапно ослеп? Доставай свою саблю.

— Не буду.

— Лео! А вдруг это они?!

— И что ты потеряешь? Выйдешь замуж за Кайджиса, коли я тебя не устраиваю. Станешь в Гирусе первой леди. На шелках спать, на серебре есть. Любовника себе заведешь из королевской семьи.

— Это ты шишку себе на лбу заведешь, если немедленно саблю не достанешь! Лео!

— Что раскричались-то? На всю округу слышно... — Голос вынырнувшего из темноты Головешки был полон укоризны.

Хотел я ему сказать, что сам он при ходьбе топает так, что его еще дальше слышно, но вместо этого поинтересовался:

— Все готово?

— Готово.

— Лодка-то надежная? Не утонет? — заволновалась Рейчел.

— Надежная. На такой лодке вокруг света смело можно отправляться, а не то что пересечь эту лужу. Да и не лодка это вовсе — шлюп с гафельным гротом.

Я не удержался от язвительной улыбки: для человека, впервые увидевшего море всего-то месяц назад, назвать Иллойское море лужей — сказано сильно.

— А Барри-то где? — не успокоилась девушка.

Барри — это наш бойцовский пес калхнийской породы, способный в одиночку справиться с несколькими вооруженными воинами. Калхнийцев вывели еще в глубокой древности, и за прошедшие века навыков своих они не растеряли. Разве что стали огромной редкостью.

— Барри уже на шлюпе. Вместе с Гаспаром и Блезом. Все готово к отплытию, вас только ждем. Пойдемте.

ГЛАВА 1

Шлюп шел ходко, держа курс на Виргус, берегов которого не удастся увидеть даже мне — до него еще много дней пути.

К внезапному бегству мы были готовы. По крайней мере, допускали себе такую мысль, обговаривали ее и даже предприняли ряд действий, которые позволили бы нам безболезненно бегство перенести. Ну, почти безболезненно. Например, загодя побеспокоиться о наличии корабля, на котором вовремя можно будет сбежать.

Все-таки появление нескольких иностранцев с кучей золота на руках не могло не привлечь внимания пусть и в портовом, куда заходят корабли со всего света, городе. Было понятно: найдется множество людей, которые постараются его отнять. Но кто же мог знать, что все произойдет так быстро и причиной станут не наши сокровища, а Рейчел?..

— Взгляни, — отвлек меня от дум слившийся с румпелем Блез, указывая подбородком на Головешку.

— Вижу.

Тед застыл уже на продолжительное время и явно витал в облаках. Изредка подобное случается с каждым, и потому лучше всего было оставить человека в покое, дожидаясь, пока тот сам не спустится на землю.

— Головешка, ты чего? — Рейчел придерживалась иного мнения.

Теодор нехотя вышел из дум.

— Я решил стать пиратом, — признался он.

Судя по вытянувшимся лицам, такого не ожидал никто.

— А что, занятие как занятие, — вымолвил наконец ошарашенный не менее других Блез. — Главное, не закончить жизнь раньше времени, болтаясь на ноке с петлей на шее.

— Тут уж как повезет, — окончательно убил нас будущий гроза морей.

Рейчел, скорчив скептическую гримаску, с сомнением покачала головой.

— Считаешь, не получится? — едва ли не с обидой поинтересовался у нее Головешка.

— Откуда мне знать? Но имя у тебя точно неподходящее.

— А что с ним не так?

— Да все! — категорически заявила она. — Ну что это такое: Тед Головешка? От одного твоего имени все должны трепетать! А кто станет трепетать от «Головешки»?

— Может, тогда Тед Головня? Или Теодор Головень? — подключился к обсуждению Гаспар, а он Рейчел всегда и во всем поддерживает. Я Гаспара иной раз даже ревновать к своей любимой начинаю.

— Нет, — отмахнулась от него девушка. — Тут надо что-то весомее, значимее. Такое, чтобы сразу мурашки по коже от страха. Что-то вроде: Теодор Кровавый Деспот. Барри, верно я говорю?

— Нашла у кого спрашивать — у собаки! — поморщился Тед. — Кстати, а что это такое — «деспот»? — насторожился он. Очевидно, значения слова Головешка не знал. Зато отлично себе представлял, как Рейчел может над ним потешаться.

— Не важно, что именно, — отмахнулась та уже от Головешки. — Все равно по смыслу не подходит. Понятно одно: необходимо что-то другое. Головешка, может, бороду себе отпустишь?

— А она-то мне зачем? — Он поскреб подбородок, на котором, как и в целом на лице, волосы упрямо не желали расти. Несмотря на все его попытки обзавестись хотя бы усами.

— Ну как это зачем? Был когда-то знаменитый пират — Зосим Рыжая Борода, вот зачем.

Такой пират действительно существовал. У меня даже имелись все основания полагать, что клад, который мы обнаружили в пещере на острове, именно ему и принадлежал.

— И что в его имени такого ужасного? — резонно поинтересовался Головешка. — Имя как имя.

— Отсюда следует, что имя может быть любим. — Блез шевельнул румпелем, чтобы как можно полнее поймать парусом ветер. — Был у меня на родине глава одного клана — Рерик Сивоусый. Тоже ведь имя никакого страха не вызывает? Но знаете, как его все боялись! Хотя согласен: Головешка — не имя для знаменитого пирата. Хуже только Тед Таракан. Или Теодор Блоха.

Блез, чтобы не рассмеяться, прикусил свой пышный ус когда-то пшеничного цвета, а ныне выгоревший на солнце почти до того самого сивого.

— Вот ты, Лео, что об этом думаешь?

Хотел я сказать, что из Головешки гроза морей — как из чайчьего помета арбалетный болт, но смолчал. Тот, даже если умудрится стать пиратом и сумеет награбить хоть сколько-нибудь золота, обязательно спустит его в первой же попавшейся таверне. Сколько через его руки сокровищ прошло? И где все они? То-то же! Он бы и ту долю сокровищ, которые мы обнаружили на безымянном острове, давно профукал, если бы Рейчел не забрала у него все и не выдавала каждый день только на пропитание и изредка на развлечения. И то Головешка умудрился таких долгов наделать, что, получается, он еще и от кредиторов удачно сбежал.

— Ничего не думаю. Пусть сначала пиратом станет, а затем люди сами имя ему дадут. Заслуженное.

— А я им стану! — кивнул Головешка с тем самым видом, который должен был показать: решение им принято окончательное, пересмотру не подлежит, а самому ему остается лишь приложить немного усилий, чтобы воплотить задуманное в жизнь.

Хотел я у него спросить: а как же его предыдущая мечта, когда он желал стать купцом, но передумал. Сказал другое:

— Татуировку не забудь себе сделать.

— А она-то мне зачем? — удивился Головешка.

— Ты же решил жизнь с морем связать, — не меньше его удивился Гаспар.

Гаспар невероятно могуч и как воин непревзойден, но суверен до безобразия. Тот же Головешка не так давно получил от него по загривку, когда, сплюнув, угодил внутрь шляпа, который, кстати, так и подмывало назвать большой лод-

кой. Вот и сейчас, когда я в шутку предложил Теду сделать та-туировку, Гаспар воспринял мое предложение всерьез.

— Каждый уважающий себя моряк должен ее иметь, — нравоучительно сказал он. — Звездочку там, подкову ли, кошку черную или же четырехлистный клевер. На счастье.

— Что я, схилларт какой-нибудь, клевер себе накалывать? — покривился Головешка. — И без него обойдусь.

Был такой культ бога Схиллара давным-давно, еще при Пржежных, и его жрецы лепили изображение четырехлистного клевера куда только можно, а также и куда нельзя.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами Гаспар. — Хотя лишним не будет.

В чем-то он прав. Давно замечено: чем рискованнее у человека занятие, тем больше он суеверен. Что обо всем этом думаю я? Скажем так — примет не избегаю. Хотя и не усердствую. В общем, в меру. Но никогда не полезу в изобилующие ловушками руины до того как прочту короткую молитву, скорее заклинание Лагрису — покровителю охотников за сокровищами Пржежных. А по совместительству еще и мореходов, ныряльщиков за жемчугом, собирателей на отвесных скалах драгоценного пуха птицы бьел, наемников, трубочистов и всех прочих людей, чей род занятий связан с огромным риском.

— Ладно, сивоусые братья мои. — Я зевнул. — Вы тут развлекайтесь, а я посплю: к вечеру шторм разыграется, и тогда не до того станет. Чего, кстати, и вам советуую.

— Почему так считаешь? — живо поинтересовался Гаспар.

— Все приметы сходятся.

Сам, что ли, не видишь? Облака, формой похожие на чевицу. Птицы к берегу друженько потянулись. Да и кажутся они ближе, чем есть на самом деле. Тут ошибиться сложно.

— Смотрите: кит, кит! — внезапно воскликнула Рейчел. — Боги, какой он огромный!

— Э-э-э! Кровавый Деспот, или как тебя там? Ты арбалет-то на место положи! — услышал я Гаспара. — Киту арбалетный болт — как если бы тебя, пытаюсь убить, в задницу соломинкой тыкали. Но, не дайте боги, мы его разозлим!

«Надо бы успеть перед штормом свой арбалет тщательно завернуть. Чтобы вода до него не добралась».

У наших арбалетов конструкции сложные — куда тем же часам! И шестеренок в них со всяческими пружинами несколько не меньше. Так что ржавчина внутри них будет совсем уж лишней.

— Точно кит? Не ошиблась? С дельфином не перепутала? — не открывая глаз, поинтересовался я.

— Точно, Лео! Фонтан пускает! Высокий! — полным восторга голосом ответила мне Рейчел.

Кит — это плохо. Не сам по себе: примета есть такая. В южной части Илнойского моря их давно уже всех истребили. Люди же говорят, если встретишь кита там, где его быть не должно, — жди неприятностей. Но ничего говорить другим не стал. Если неприятностей действительно не избежать, зачем заставлять их волноваться раньше времени? Пусть пока жизни радуются, того же кита разглядывают. Вон сколько эмоций.

К вечеру действительно разыгрался нешуточный шторм. Небо заволочило свинцово-серыми тучами, поднялся ураганный ветер, а волны стали такими, что нашу скорлупку с громким названием «Матерь богов» бросало словно щепку. Мне почему-то вспомнилось поверье, что сильный ветер — это разгневанная женщина-буря, и чтобы избавиться от ее козней, всем мужчинам на корабле следует раздеться донага. Тогда, мол, дама смутится и обязательно улетит куда-нибудь подальше от этих бесстыдников. Соответственно ветер стихнет, а вместе с ним уйдет и шторм. Возможно, и стоило попробовать, но вдруг местная женщина-буря настолько развратна, что поступит наоборот? В общем, рисковать я не стал.

Все держались молодцом, и несло нас в нужную сторону, и все бы ничего, пока Головешка, напяливший себе на морду устройство Прежних, позволяющее видеть даже в кромешной мгле, а именно такая нас окружала, голосом бывалого впередсмотрящего не воскликнул:

— Камни! — после чего указал прямо по курсу, что было совсем уж нехорошо.

— Где?!

И я бесцеремонно сорвал с него устройство, чтобы напаять его на себя. Тед не ошибся: впереди нас ждало множество бурунов, а иной раз, когда вода уходила, становилось видно и то, что их породило: морское дно с торчащими из него камнями. Хуже всего было то, что буруны занимали всю видимую часть горизонта. По крайней мере, ту, куда нас и несло штормом.

— Что там? — Держась рукой за скрипящую мачту, Гаспар старался перекричать шум от разбушевавшейся стихии.

— Сам посмотри! — проорал я в ответ, заодно протягивая чудесное устройство уже ему.

Гаспар родился в семье корабеля, и пусть свою жизнь связал не с этим ремеслом, опыта мореплавания у него было поболее, чем у всех остальных, вместе взятых. Головешка, тот и вовсе море месяц назад увидел.

— Да, дела — хуже некуда!

— Нужно поскорей привязываться к мачте! — перекрикивая шум бури, предложил Головешка.

— Зачем? — Почему-то когда кричат женщины, пусть даже негромко, их и во время бури хорошо слышно.

— Всегда так делают, — пояснил Головешка.

Я только головой покачал, что во время шторма совсем несложно — стоит только расслабить мышцы шеи, и ее сама начнет болтать: он ничего глупее придумать не смог?

— Кровавый Головень, тебе помочь? — Гаспар разделял мое мнение полностью.

Во время шторма привязываются к мачтам, чтобы не смыло за борт, в тех случаях, когда корабль идет лагом к волне, то есть с большим креном. Причем так делает только вахтенная команда, остальные раскачиваются в гамаках. Он что, предлагает всем пятерым привязаться к единственной мачте? Чтобы когда наша скорлупка пойдет ко дну, долго не мучиться?

— Может, тогда пса за борт выбросим? — Возможное кораблекрушение пугало Головешку больше других, поскольку плавать он не умел вовсе.

— А что это даст? И потом, Барри скорее нас всех выбросит.

В чем-то Блез был прав.

— Лео?! — Гаспар, впрочем, как и все остальные, смотрел на меня в ожидании команды, которая всех нас спасет.

А что я? Мысленно я перебрал уже множество вариантов, и ни один из них не показался мне надежным настолько, чтобы его озвучить. Спустить парус, чтобы нас так стремительно не несло на камни? Решение на редкость глупое, ибо самое страшное для нас сейчас — это, потеряв ход, оказаться к волне бортом. Попытаться сделать плавучий якорь и убрать парус уже после этого? Даже если нам хватит времени, надолго ли он отсрочит гибель выброшенного на камни шлюпа?

— Лео?! — На этот раз ко мне воззвала одна Рейчел.

Единственная мысль, которая показалось мне стоящей, как раз ее и касалась: постараться спасти хотя бы ее, пусть и ценой собственной жизни. Остальным — как повезет.

— Если что-то случится, держись крепче за Барри! — крикнул в ответ ей я, подумав при этом: единственное, что стоило бы привязать, так это девушку к собаке. Или наоборот.

Едва я потянулся к чудесному устройству Головешки, как оно тут же оказалось у меня на голове — ее туда надели сразу четыре руки.

— Блез, возьми правее!

Как мне показалось, там есть неширокий проход, где камни ни разу не показались из-под воды, как я туда ни всматривался. Дальше бурунов тоже не видно, а еще дальше вдруг нарисовался невидимый прежде остров. Небольшой, с низким берегом, который то и дело скрывался под перебегающими его волнами. Но если мы умудримся на него попасть, пусть и ценой гибели шлюпа, шансы остаться в живых у нас появятся. Появятся потому, что на острове есть скала, скрыть под водой которую не хватает сил даже не на шутку разбушевавшейся стихии.

«Но хватит ли нам времени?» — лихорадочно размышлял я, глядя на уже совсем близкие камни.

— Гаспар, привяжи крепче к гнумбоксу канат и кидай его за борт! — По сути, мой приказ являлся актом отчаяния.

Гнумбокс — устройство, позволяющее добывать воду прямо из воздуха. Тяжеленное, весом в средней упитанности

мужчину, но, к сожалению, работающее в последнее время все хуже и хуже. И не самое ли время от него избавиться? Мы прихватили его с собой для того чтобы не зависеть в открытом море от запасов пресной воды, а своевременно ее пополнять. Даже в таком состоянии его можно продать задорого. Но до денег ли сейчас и всего остального, когда решается вопрос жизни и смерти? Будь у нас якорь, гнумбоксом можно было бы не жертвовать, но того на борту не имелось. Головешка умудрился его утопить еще в первый день нашего плавания, и теперь вся надежда была на этот металлический ящик. Чтобы он хоть ненамного замедлил ход нашего судна, что дало бы нам шанс угодить в проход между камнями.

Привязать канат к гнумбоксу Гаспару помогал Головешка, вдвоем они и метнули его за борт.

Все получилось у них так быстро и ловко, что можно было подумать — всю свою предыдущую жизнь они только и занимались, что топили гнумбоксы с привязанными к ним веревками.

Едва гнумбокс успел скрыться в пучине, как веревка натянулась и шлюп дернуло так, что мысль Теодора привязаться к мачте показалась мне уже не такой бредовой: на ногах не устоял никто. Самого Головешку удалось поймать в самый последний момент, когда тот практически полностью уже оказался за бортом. Поймать к его счастью, ибо для этого будущего ужаса купеческих караванов любое купание закончилось бы трагически.

Тем временем «Мать богов» приблизилась к проходу в камнях, но шансов попасть в него практически не оставалось, ведь, судя по провисшему канату, гнумбокса мы лишились,

— Лео!

«Репетировали вы, что ли? — покривился я, потому что имя мое, вырвавшееся сразу из четырех глоток, слилось в единый крик. — Все, теперь каждый сам за себя, ну а сам я — за Рейчел».

Камни были уже совсем рядом, когда шлюп рвануло снова: получалось, что гнумбокс не оторвался и лишь ждал подходящего случая, чтобы зацепиться за очередной камень на дне.

Кто в тот миг успел поймать над самой водой уже меня самого, понять так и не удалось. Да и не до того было, потому что практически сразу же «Матери богов» со страшным скрежетом все же удалось проскочить в проход. Следующей волной шлюп выбросило на берег острова, посередине которого возвышался утес, который и давал нам крохотный шанс на спасение...

ГЛАВА 2

— Кто ее выронил? — И Гаспар подкинул на ладони золотую монету. Затем, взглянув на нее более внимательно, удивился. — Это кому же такие достались? В моей доле пиратского клада ни одной подобной не было.

Головешка взял у него золотой, рассмотрел его...

— И в моей тоже.

Примерно то же самое, по очереди покрутив золотой, высказали и остальные. Кроме меня. И в моей доле сокровищ, которые мы обнаружили в пещере перед нашим прибытием в Гирус, тоже их нет. Таких там вообще не было. А следовательно, Гаспар нашел ее уже здесь. Пройдет немного времени, и все сообразят, в чем дело. Только что это нам даст в той ситуации, в которой мы оказались?

А она была таковой, что стоило думать о чем угодно, кроме единственного — каким таким образом на этом клочке суши оказалась монета из чистейшего золота. Золота у нас полно. Нам катастрофически не хватает другого — пресной воды. Умереть с голоду на берегу моря проблематично, но вот питьевая вода... И я в который уже раз взглянул на небо, в надежде, что на нем появились тучи, которые вскоре прольются дождем. Увы: оно по-прежнему выглядело совершенно безоблачным.

Шторм, который закончился гибелью нашего шлюпа, не утихал еще пару дней. Спаслись все, в том числе и пес Барри. Помимо того нам удалось сохранить практически все наши вещи.

И только жалкие остатки разбитого о камни шлюпа напоминали о том, чего нам едва удалось избежать. Первую пару дней все было неплохо: мы выжили, дождевая вода, которую старательно собрали в выемках скал, давала какие-то перспективы, а добыть в море еду несложно.

В последнем больше всех преуспел Головешка.

— Нужно срочно накормить пса, — на второй день нашего пребывания на необитаемом острове заявил он. — Что-то он на меня как-то не по-доброму посматривать начал.

— Это он тебе в отместку за твои вчерашние рассуждения, что Барри размером с телянка и при нужде на нем долго можно протянуть, — заявила ему Рейчел.

Тед посмотрел на пса, который в это время прищурил один глаз от светившего ему в морду солнца, и все выглядело так, будто Барри ему подмигнул. По крайней мере, самому мне пришла именно такая мысль. Вероятно, не только мне, потому что Головешка вздрогнул.

— Он не мог этого слышать, — тревожно прошептал Тед.

— Так ли это? — Рейчел запустила пальцы в шерсть на загривке пса, отчего тот зажмурил и второй глаз, но уже от удовольствия. — Все слышали, а Барри нет? Он же среди нас был.

— А если даже услышал, ничего не смог понять.

— Ты уверен? Барри, сколько будет два и два?

И пес с готовностью гавкнул ровно четыре раза.

— А три плюс три?

На этот раз собака тоже ответила правильно.

— Он еще поумней некоторых будет, — заключила Рейчел.

Что являлось прямым намеком на невысокие умственные способности будущего деспота, у которого даже с элементарной математикой нелады. А еще Головешка наивен настолько, что его легко обмануть даже ребенку. Что он минуту назад и продемонстрировал: ведь всем, кроме него самого, было понятно, что Барри перестает лаять по незаметному для Головешки знаку Рейчел. Не представляю даже, как бы он смог стать купцом, что до недавнего времени являлось для него мечтой всей жизни. Возможно, в полной невзгод и опасностей профессии корсара он преуспеет. Но как бы там ни

было, после этого разговора, благодаря стараниям Головешки, рыбы и прочей морской живности мы имели с избытком. Затем питьевая вода практически закончилась, небо по-прежнему оставалось безоблачным, и потому мне было совсем не до золотой монеты, обнаруженной в песке пляжа крохотного островка.

— Ого! Еще одна! — И Гаспар показал всем монету, выглядевшую точной копией той, которую он нашел ранее. — Так... да тут их целая россыпь! — воскликнул он.

Некоторое время спустя наша компания начала походить на артель старателей, копающихся в песке в поисках золота. Разве что за неимением лотков песок просеивали между пальцами. Горка монет все росла и росла, когда Рейчел, увлеченно добывающая монеты вместе со всеми, обратилась ко мне:

— Присоединяйся, Лео! Здесь целый клад закопан!

— Не буду, — мотнул головой я.

Моя доля от меня никуда не уйдет. Только что мне с ней делать? Пожалуй, всю ее я с удовольствием променял бы на кувшинчик холодного пива. Даже согласился бы на темное, к которому, когда у меня есть выбор, и близко не подхожу. Разве что вместо опостылевшей рыбы предпочел бы к нему мясное ассорти. А еще много-много зелени, соленые поджаристые сухарики и острый козий сыр. Чтобы твердый такой, как камень. Представив воочию и даже почувствовав вкус всего этого, невольно сглотнул слюну в почти пересохшем рту.

— Ты куда, Лео? — услышал я, поднимаясь на ноги.

— Пойду пройдусь.

Гулять здесь особенно было негде. Все крохотное: сам остров, пляж, на котором Гаспар обнаружил монеты, и возвышающаяся над островом скала. Усевшись на плоский, до блеска отполированный волнами камень, я бездумно смотрел в морскую даль. Все плохо. Причем настолько, что впору впасть в отчаяние. Мы одни, и помощи ждать нам некуда. Потому что даже самому безрассудному капитану никогда не придет в голову проложить курс в эти места, настолько они изобилуют рифами и мелями. Отчасти я сам был в этом виноват, поскольку не удосужился изучить лоцию Илнойского

моря. Вернее, такая мысль ко мне приходила, но я все откладывал ее на потом, не ожидая, что наш побег состоится так скоро. Вероятно, мы попали на знаменитые Каарские мели, слышать о которых мне приходилось, но где именно они находятся, не имел ни малейшего представления.

Илнойское море настолько огромно, что многие называют его океаном. Но откуда мне было знать, что Каарские мели расположены на кратчайшем пути из Гируса в необходимый нам Виргус?

Подошла Рейчел, присела рядом. Мы долго сидели молча. За это я ее тоже люблю: она всегда понимает, когда следует помолчать и не лезть в душу, в которой и без того тяжело. Наконец, я спросил сам:

— Много золота нашли?

— Много Лео, очень много, — без особой радости в голосе ответила девушка. — Наверное, не меньше, чем тогда в пещере. Только... — Рейчел замолчала, хотя и без слов было понятно: толку-то от него? Затем осторожно поинтересовалась: — Лео, а что ты там все высматривал, с вершины скалы?

Я лишь пожал плечами: пытался увидеть хоть что-то. Например, следующие своим курсом корабли. А еще мне почудился остров. Далеко-далеко, на самом краешке горизонта, но уверенности не было никакой.

Странное дело: если человек с обычным зрением посмотрит в подзорную трубу, он увидит гораздо дальше. Но мое-то зрение далеко не самое обычное, а превосходное. Причем настолько, что в своей жизни я повстречал единственного человека с таким же, не побоюсь этого слова, даром. Так вот, у Блеза есть особое устройство Прежних, с помощью которого можно разглядеть все так далеко, что куда там любой зрительной трубе с самыми лучшими линзами! Теперь вопрос: почему, надевая его, остроты зрения у меня не прибавляется?

Загадка. Это все я к тому, что даже с его помощью мне не удалось разглядеть, что же там на самом деле — обычная отмель, скала, торчащая из воды? Или огромный остров, на котором во множестве растут пальмы и другая зелень, где со скал устремляется вниз мощным потоком водопад, а на нем самом живут люди?

— Все будет хорошо, Лео, вот увидишь, — погладила меня по щеке Рейчел. Причем так нежно, что снова я вздохнул печально: на этом крохотном клочке суши нам и уединиться-то с ней негде. И потому придется ждать темноты, а до нее еще целых полдня. — Ты обязательно что-нибудь придумаешь, ведь ты у меня такой умный!

— Ну да, ну да... — Придумаешь тут! Если бы мог, давно бы уже в голову пришло.

— Ой, а это что?! — Рейчел смотрела в воду. — Неужели морская змея? Боги, какая она длиннющая! Дохлая, что ли? Нет, как будто бы шевелится. Лео, а вдруг она на берег выползет?! Может, позвать остальных, с оружием?

— Не надо никого звать.

«Лео, тебя только что назвали умным человеком. Так ли это? Почему тебе не пришла мысль осмотреть мелководье не только в том месте, где шлюп разбило штормом о скалы? Вывод напрашивается сам собой!»

— Лео, осторожно! — услышал я уже в спину. — Вдруг она тебя цапнет. Я быстро!

Никто меня не цапнет, ибо некому. То, что Рейчел приняла за морскую змею, было всего лишь лежавшим на дне канатом, который лениво шевелился прибоем. Тем самым, к которому привязали гнумбокс, перед тем как выбросить его за борт, и который, в свою очередь, фактически спас всех. Ошибки быть не могло: в канат для какой-то цели вплетена красная нить, и подобный на «Матери богов» единственный.

Поначалу канат поддался легко, и я успел сложить из него у ног несколько колец, думая о том, что гнумбокс от него оторвался, когда дело встало. Рывок, другой, третий — тщетно.

«Придется нырять», — успел подумать я, когда он пошел снова.

За спиной послышался частый скрип песка под ногами спешащих ко мне на помощь, чтобы справиться с морским змеем, Гаспара, Блеза и Головешки. Впереди, с обнаженным мечом в руках, несся Гаспар. За ним, с палашиком, Блез. Гроза морей Головешка сжимал в руках арбалет, благоразумно посчитав, что бороться с чудовищами следует на расстоянии. Рейчел тоже была с арбалетом, но она бежала вслед за Блезом, оставив Головешку далеко позади.

Но именно Головешка крикнул: «Держись, Лео! Помощь близка!»

Барри, приняв новую игру с радостью, носился вокруг них кругами. Он-то первый ко мне и подбежал.

— Где же вы раньше-то были, помощники? — пробурчал я под нос, вытаскивая на берег тяжеленный гнумбокс. — Едва спину не надорвал.

— Да уж, — почесав затылок, сказал Гаспар, когда все мы окружили гнумбокс плотным кольцом. — Досталось ему. Вообще-то его следует похоронить с почестями: как бы там ни было, мы ему обязаны жизнью.

Вид гнумбокса действительно впечатлял. На что Прежние умели изготавливать металл такой прочности, которая нам и в мечтах не привидится, но гнумбокс выглядел так, будто по нему старательно колотила молотами добрая дюжина молотобойцев. Потом, когда им надоело, они скинули его на дно глубокого ущелья. После чего на механизм обрушился оползень из каменных глыб. И уже только затем чудесным образом он оказался в море, откуда я его и извлек.

— Зато теперь есть выбор, — хмыкнул Гаспар. А когда все вопросительно на него посмотрели, пояснил: — Желающие смогут или повеситься на веревке, или утопиться, привязав гнумбокс к шее. Он двоих-троих на дно утянет, а то и сразу всех.

— Повеситься или утопиться мы всегда успеем, — заявил я. — Пока же снимите с него кожух и промойте от песка: вдруг заработает.

— Это вряд ли, — засомневался Блез. — Он и раньше-то едва-едва дышал, а уж теперь!.. Надежды нет никакой.

Но послушно склонился, чтобы взять гнумбокс. Тот словно сам прыгнул ему в руки. Еще бы: было дело, когда Блез столько времени прошагал с ним за плечами, что тот давно ему уже как родной.

— Искупаться решил? — спросила Рейчел, видя, что я снимаю с себя одежду.

— Нырну на всякий случай: вдруг и еще что-нибудь полезное обнаружится.

Возвращаясь к месту, где мы устроили лагерь, возбужденные голоса я услышал еще издалека. Хотя на этом клочке суши все относительно — далеко, близко...

— Давно его следовало хорошенько измять, а затем искупать в море. — Слова Блеза заинтриговали меня настолько, что остаток пути преодолел уже бегом.

То, что я увидел, заставило меня остановиться как вкопанному: из установленного на камне гнумбокса, вернее, из торчащей в одном из его боков коротенькой трубки, лилась вода. Причем такой струей, что даже в те времена, когда мы только обнаружили его в руинах Прежних, ничего подобного за ним не наблюдалось.

— Лео, желаешь утолить жажду холодненькой водичкой? — встретила меня предложением Рейчел.

— Хочу, — кивнул я.

Но шагнул не к ней — к костру, над которым висел колокол, где, судя по запаху, варилась рыбная похлебка. Шагнул не потому, что готовить уху в корабельном колоколе — кошунство для моряка. За тем, чтобы извлечь из костра дрова и отправить их в море.

— Ты чего, Лео? — Вопрос задал Головешка, но недоуменно посмотрели на меня все.

— Знаете ли вы, что если нырнуть глубоко, вода начнет давить на все тело, но особенно на голову и уши? — вопросом на вопрос ответил я.

Тут они друженько между собой переглянулись, а Рейчел насильно сунула мне в руки флягу с водой.

— Лео, попей водички — сейчас тебе она точно необходима.

Понятно, что отказываться я не стал. Но когда Гаспар собрался отправить в костер порцию дров, вырвал их у него из рук и отбросил далеко в сторону.

— Давление? — на всякий случай поинтересовался он и посмотрел на Рейчел: может, еще воды ему дать?

— Именно! — кивнул я. — Теперь слушайте все.

Слушать-то они приготовились, но почему-то сбились в кучу. Причем Гаспар с Блезом явно прикидывали, как половчее меня скрутить, если что-то пойдет не так, Рейчел смотрела на меня с жалостью, а Головешка оглядывался: в какую сторону ему удобнее будет сбежать?

— Значит, так: для начала нам необходимо добыть много котиков, — зачем-то мяукнув, заявил я, отчего лицо у Рейчел перестало быть жалостливым и стало испуганным.

— Здесь нет котиков — только тюлени, — догадался, о ком именно идет речь, Гаспар. — К тому же мясо у них не очень: рыбой сильно отдает. Лучше уж самую рыбу есть, куда вкуснее. Хотя я и сам бы их всех перебил: слишком они орут по ночам.

В этом он прав: орут они так, что всякий сон пропадает. Особенно возмущенно — те, которые жили на острове, пока мы их отсюда не выселили.

— Мясо можете в море выкидывать: нам оно ни к чему. Нам нужны только шкуры.

— А зачем нам шкуры? Для тента? Так у нас он уже имеется, из парусины, — начал рассуждать Блез, но я от него отмахнулся, обратившись к Гаспару:

— Гаспар, помнится мне, ты все хотел овладеть ремеслом плотника? Так вот, самое время. Задача у тебя такая: сделать из остатков шлюпа каркас нашей будущей лодки, которую мы обтянем тюленьими шкурами. Головешка, ты должен выточить из гвоздей, арбалетных болтов или из чего угодно парочку, а лучше больше игл. И обязательно граненых.

— Почему именно граненых?

— Шов такими иглами не пропускает воду, бестолочь, — пояснил ему Гаспар.

— Рейчел, ты распустишь канат на нитки: некогда нам с тюленьими жилами возиться, хочется побыстрее вот это потратить, — указал при этом на кучу найденных ими золотых монет, которая выглядела весьма и весьма внушительно. — Да, Блез, однажды ты хвастался, что умеешь выделывать шкуры, так что заняться тебе ими судьба. А вообще готовься к охоте: вечером, когда тюлени вернутся, мы и займемся их добычей. — Закончив объяснения, я с удовольствием допил воду из фляги. Холодненькую, именно о такой и мечтал.

«Придумали тоже — Счастливчик Леонард с ума сошел! Да что бы вы все без меня делали?!»

— Лео, я не сомневалась ни секунды: ты обязательно что-нибудь придумаешь! — прижималась ко мне Рейчел. —

Хотя поначалу я все же испугалась, когда ты про давление начал говорить. И про котиков.

Ну да: иногда полезно занырнуть поглубже, где давление воды на голову ощутимо и в нее могут прийти всякие умные мысли.

— Знаешь, я тут одно укромное местечко обнаружила, — продолжила она. — Небольшой такой грот, но в нем нас никто не увидит. Как бы нам еще незаметно с собой плащ захватить? Тот самый...

Тот, который был нашим с ней едва ли не единственным ложем, когда мы пересекали Саганию с севера на юг. А Сагания — далеко не самая маленькая страна на свете.

На мой неискушенный взгляд, особенно учитывая, что о подобных посудинах я слышал лишь краем уха, получилось весьма и весьма неплохо. Но следуя остальным, мне пришлось принять такой же скептический вид.

— Это не утонет? — первым подал голос Головешка, осторожно ткнув пальцем в борт, отчего тот сильно прогнулся.

Внешний вид лодки действительно вызвал большие сомнения. Выпиленные из жалких останков «Матери богов» жерди составляли остов, обтянутый грубо выделанными тюленьими шкурами. И множество крупных неровных швов от бечевков, которыми шкуры и были соединены. Уже только одни они вызывали сильнейшие сомнения в успехе задуманного мною предприятия. На погибшем шлюпе доски обшивки в три пальца толщиной, а тут борта иглой можно проколоть. Что, собственно, мы и делали, когда сшивали шкуры.

Но каким-то же образом плавают на них дикари северных краев! Причем плавают в таких морях, которые не чета Илнойскому — за борт вывалишься и сразу околеешь, поскольку вода там не просто холодная — ледяная. Мало того что плавают, так еще и охотятся на морского зверя, в том числе и китов. Сам не видел, но обо всем этом мне рассказывал человек, которому я мог доверять безоговорочно.

— Не должно утонуть, — самым уверенным тоном заявил я. — Система надежная, проверенная, и там, где лес не растет, а, следовательно, досок напилить не из чего, именно так по морю и плавают.

— А если через борт вода зальется?

Вот здесь все было сложно. Тот же человек рассказывал, что северные лодки сверху тоже прикрыты шкурой, и в них лишь отверстия, по числу человек, которые они своими телами и перекрывают. Наша посуда походила на обычный баркас, с той лишь разницей, что сделана она из дерьма и папок.

— Не зальется, — заявил я, в чем абсолютно не был уверен. — Но для большей надежности необходимо изготовить из тех же шкур несколько воздушных мешков. Именно они и будут держать ее на плаву, если таковое все же случится.

Блез сразу поскучнел. Как выяснилось, выделка шкур получалась у него не очень, и потому множество их были им испорчены. Известие о том, что ему придется выделывать еще несколько, никакого энтузиазма в нем не вызвало. К тому же добывать тюленей становилось все труднее, поскольку они начали старательно держаться от нас далеко в стороне.

Был еще и побочный эффект: выбрасывая ободранные туши в воду (не лежать же им на берегу до той поры, пока не протухнут и не провоняют все вокруг), мы привадили к нашему острову множество акул. В последние два дня вокруг него они кишмя кишели.

— Кроме того, нам недолго на ней плыть. Там, — махнул я рукой, указывая направление, — есть остров. И если мы отправимся в путь с первыми лучами солнца и будем весь день усердно грести, к вечеру должны до него добраться.

— Точно он там есть? — усомнился Головешка.

— Точно есть. Наверное. Но даже если там его нету, обязательно найдется какой-нибудь другой. Или мы встретим корабль. Помнится мне, там торговый путь проходит. — Здесь мне пришлось солгать: я понятия не имел, где они находятся, торговые пути.

— А если лодка даст течь? — не унимался Теодор.

— Тогда мы выкинем золото, — принялся помогать мне Гаспар, отчего я взглянул на него с благодарностью.

— Как «выкинем»?! — Тед ужаснулся.

— Руками. Зачерпнем полную пригоршню золота — и за борт его. Зачерпнем следующую — и снова туда же. — Гаспар демонстрировал наглядно, как мы это будем делать. — Нет,

если не пожелаешь с ним расстаться, можешь вместе с золотом выпрыгнуть, Неистовый Сатрап.

Кем только Головешка у Гаспара не успел уже побывать! И Кровавым Деспотом, и Кровавым Головнем, и Грозой Морей Теодором, и Неустрашимым Капером, и Тедом Самодуром, и Лютым Тираном. А теперь он, оказывается, еще и Неистовый Сатрап.

— Постараемся обойтись без этого, — сказал я, завидя, что Головешку сейчас кондрашка хватит. — Все равно оно нам понадобится: сделаем из него балласт для остойчивости. А вообще представь себе, Тед: когда-нибудь, в кругу таких же, как ты, джентльменов удачи, в какой-нибудь портовой таверне, ты, придерживая за талию экзотическую красотку одной рукой, другой будешь вливать в себя ром. А между делом рассказывать, что однажды тебе приходилось плавать на корабле, на борту которого хранилось так много золота, что даже балласт был из него.

Подумав при этом, что у Головешки наша лодка станет как минимум галеоном, а сам он — капитаном: он еще то трепло.

— Балласт тоже в шкуры заворачивать будем? Не просто же так золото по дну рассыпать? — И Блез печально вздохнул.

— Именно, — кивнул я. — Завернем колбасками и уложим вдоль киля.

— Может, лучше в парусину? — В голосе Блеза чувствовалась полнейшая безысходность. — У нас ее много.

— Нет. — Я был непреклонен. — Не так уж у нас ее и много, и пригодится она для других целей: для паруса и еще для пластыря.

— Для пластыря?! — встрепенулась Рейчел. Она у меня лекарь, причем превосходный, и потому реакция ее была мне понятна.

— Ты не ослышалась. Только это будет другой пластырь, не для ран. Вернее, для ран, но только для тех, которые, возможно, получит наш корабль во время плавания. — Слово «корабль» далось мне с невероятным трудом: нашу лодку даже с огромной натяжкой назвать им было затруднительно. — Так вот, если он даст течь, мы заведем парусину с внешней стороны, и тогда давление воды снаружи прижмет его к борту так, что течь устранится сама.

Когда я сказал про «давление», никто ничего возражать уже не стал. Ведь именно благодаря ему мне и пришла в голову блестящая мысль сделать лодку из шкур, что давало нам шанс спастись. А может, и не давало: кто может знать наперед?

В ночь перед отплытием Рейчел была нежна ко мне по-особенному. Сначала я не мог понять, в чем дело, затем догадался.

— Боишься? — спросил я.

— Очень, — не стала отрицать она. — Слишком уж утлый наш челн. Вдруг мы все погибнем? Или не все, но тебя не станет. Лео, я хорошо тебя знаю: ты же бросишься спасать других, совсем не заботясь о себе. Да и вообще...

Под «вообще» Рейчел подразумевала следующее. Вечером мы совершили вокруг острова пробное плавание. Лодка держалась на воде хорошо, опрокидываться даже не думала, а швы практически не слезоточили. Так, только в одном месте и пришлось подправить. Недаром же мы нитки пропитали тюленьим жиром. О том, что их лучше пропитывать, тот человек мне ничего не говорил, такая мысль пришла мне самому, причем даже давление на этот раз не понадобилась.

Проблема была в другом: свежие шкуры пахли кровью и жиром несчастных животных, а нюх у акул на такие вещи еще тот. И потому мы с Гаспаром — я на носу, а он на корме, раз за разом дубасили подплывающих к нам хищниц, стараясь угодить по их наглым мордам, которые они то и дело высовывали из воды. Гаспар — толстой жердью, которую при попутном ветре мы собирались использовать как мачту, прикрепив к ней парус. Ну а мне то и дело приходилось отбирать у Блеза весло. Словом, было совсем нескучно, и благо, что лодку я оставил на берегу, хотя Рейчел настаивала испытать ее при полной нагрузке.

А когда она криком поинтересовалась, что это вы, мол, такое делаете, — мне, чтобы не беспокоить ее раньше времени, пришлось ответить: весла с мачтой на прочность проверяем, поскольку ничего другого в голову не пришло. Затем акулы попытались атаковать нас уже у самого берега, и обман мой открылся.

— Лео, — перебирая мои отросшие за время нашего пребывания на острове локоны, продолжила Рейчел, — возможно, имеет смысл подождать здесь, пока помощь не придет извне?

— Абсолютно никакого смысла не имеет, — убежденно заявил я. — Хотим мы того или нет, но рисковать придется.

За все время с вершины утеса мне не удалось увидеть хотя бы единственный корабль. Даже далеко-далеко, на самом горизонте, где он выглядел бы крохотным темным пятнышком. Вероятно, все они старательно избегали этого воистину опасного для мореплавания района. Но и это еще полбеды. Все мы зависим от гнумбокса. Вернее, от вырабатываемой им воды. Пока ее хватает, но надолго ли? Вдруг уже завтра он станет таким, каким был до того, как его проволокли по морскому дну? И что тогда?

Оставить часть людей здесь, а другим отправиться на помощь? Но как поделить гнумбокс пополам? Ведь неизвестно, как долго продлится плавание, а сделать запас воды не получится: гнумбокс едва покрывает наши потребности.

Ну и самое главное. Нам удалось спастись только благодаря тому, что на этом острове имеется скала. Но она не настолько высока, и если шторм разыграется сильнее, нас попросту смоеет с ее вершины.

— Лео, я что тут подумала... — Рейчел немного помолчала, словно решаясь. — Может быть, дадим друг другу клятву, что мы теперь муж и жена? Чтобы в том случае, если мы все же погибнем, смогли встретиться на небесах? Говорят, там насчет этого строго!

«Я тебя без всяких клятв там найду. И никто мне в этом не сможет помешать!» — подумал я, вслух же сказал:

— Конечно, дадим.

И мы ее дали.

— И все равно страшно.

— Все будет хорошо, Клер. — Задумавшись, я назвал девушку тем именем, к которому привык куда больше, чем к Рейчел. Но на этот раз она даже не возмутилась.

— И пусть помогут нам боги! В путь! — напыщенно сказал я. После чего, махнув рукой, уже обычным голосом доба-

вил: — Гребите давайте, — заодно улыбнувшись Рейчел: не робей, любимая, прорвемся!

Полностью еще не рассвело, но времени терять было нельзя. Все приметы показывали, что ненастья в ближайшие несколько дней ожидать не приходится, но погода в некоторых смыслах похожа на женскую натуру, а уж у тех настроение семь раз за день может перемениться.

И мы погребли. Теперь мы с Гаспаром сжимали в руках солидные колотушки, и наши глаза были полны решимости ими воспользоваться. Но нет, акулы почему-то никакого любопытства к нам не проявляли. Их вообще не было видно ни одной. Что настораживало: уж не покинули ли они мелководье в ожидании грядущего шторма?

— Акул высматриваете? Не будет их, — уверенно заявил ворочавший двухлопастным веслом Головешка.

— Это в связи с чем? — поинтересовался Блез.

— Я ночью жертву Калахиру принес, — пояснил он. — Чайками.

То-то полночи паленым пером и сгоревшим мясом на весь остров воняло.

— Калахиру?!

Мы все переглянулись: какая может быть связь между богом гончарного ремесла и акулами?

— А при чем тут Калахир? — непонимающе потряс головой Гаспар.

Перед этим, услышав, что ночью Головешка приносил жертву, он одобритительно кивал.

— Ну как же! Ведь именно он бог подводного царства.

— Что-то я не слышал, чтобы в небесном пантеоне какие-нибудь подвижки были, — пробормотал себе под нос Блез. После чего поинтересовался уже громко: — А Гестил, который до этого пучины курировал, что стало с ним? Он теперь присматривает за теми, кто горшки обжигает? Или овец пасет? — намекая, что тот сменил пастушьего бога Херона.

— Головешка, что там вообще на небесах говорят — по всей видимости, тебе обо всех изменениях на них докладывают — Сейлу не сняли? — с изрядной долей ехидцы поинтересовалась у него Рейчел. — В связи с несоответствием? А если

даже так — надеюсь, Гарсию вместо нее не поставили? Чувствую я, та всех вылечит!

Сейла — богиня врачевания. У Гарсии же, на мой взгляд, весьма незавидная участь: она покровительница жриц любви, любительниц менять мужчин как перчатки и просто неверных жен. Потому интерес и ехидство Рейчел были понятны.

Головешка, вместо того чтобы продолжать грести, начал вертеть головой по сторонам, глядя то на одного из нас, то на другого.

— Сколько, говоришь, Калахиру чаек в жертву принес? — поинтересовался Гаспар.

— Восемнадцать. Больше поймать не смог.

— Ну все, теперь о пиратском промысле можешь забыть. Прямая дорога тебе в гончары: Калахир тебя уже ни за что не отпустит, — с самым серьезным видом заявил тот.

— Лео?! — Голос Головешки был полон отчаяния.

— Успокойся, — сказал я, сделав соответствующий жест рукой. — Восемнадцать чаек — это серьезно. Если разделить поровну, каждому богу получается по две штуки. Солидная жертва. К тому же действенная: ни одной акулы вокруг!

Рейчел, сдерживая смех, уткнулась лицом в ладони. Сам Головешка как будто бы успокоился и начал загребать веслом с удвоенной силой.

ГЛАВА 3

Чем-чем, но быстrophодностью наша посудина не отличалась. Если разобраться, она вообще ничем не отличалась: ни мореходностью, ни остойчивостью, ни комфортом.

И еще у нее был постоянный крен на правый борт. Чтобы его убрать, как мы только ни пересаживались... но не помогало ничто. Наконец Гаспар заявил, что нам помогут лишь две вещи. Либо выкинуть Головешку за борт, чтобы он плыл рядом с бортом, держась за него, либо принять все как есть. Сошлись мы на втором варианте, ибо только Тед каким-то там по счету чувством способен определить, что поблизости находятся руины Прежних. А все мы, как бы там ни было, продолжали оставаться охотниками за их сокровищами.

Акул по-прежнему вокруг не было видно, Головешка все больше убеждался в мысли, что его ночная жертва была не напрасной, а сам я продолжал пристально смотреть вперед. Туда, где с вершины утеса крохотного островка, который Гаспар предлагал назвать Временным Пристанищем Отважного Корсара Теодора Модестайна, мне показалось темное пятнышко на самом краю горизонта. И потому поначалу не обратил внимания, как беспокойно завертелся в лодке сам Теодор. Вернее, обратил, но почему-то посчитал, что тот обнаружил где-то поблизости треугольный плавник акулы, и я даже пододвинул к себе поближе колотушку, чтобы лихорадочно не искать ее, когда та вдруг внезапно понадобится. Потом Тед зачем-то взглянул в глубь моря. Краем глаза я видел, как тот вздрогнул всем телом и вцепился обеими руками в борт. Его действия не остались незамеченными ни для кого.

— Акулы?! — с беспокойством спросила Рейчел.

Дело могло обернуться худо, если эти коварные и злобные хищницы догадаются атаковать нас снизу, из глубины. Что мы тогда сможем им противопоставить?

— Дались вам эти акулы! Не будет их, — поморщившись, уверенно заявил Головешка. — Я даже знак подтверждения получил, что жертва принята.

— Какой именно? — живо поинтересовался Гаспар, который в таких вопросах считал себя знатоком.

— Сапог сжег, — признался Тед. — Вот. — И он продемонстрировал пострадавший сапог, из носка которого торчали грязные, с неровно обрезанными ногтями пальцы, за чем-то ими пошевелив.

Гаспар, чтобы не рассмеяться, закашлялся, Рейчел уткнула лицо в ладошки, я с силой закусил губу, а Блез с той же целью — свой многострадальный ус. Наконец Гаспар сказал:

— Сапог правый. То есть знак — верный — И закашлялся снова.

— А чего тогда по сторонам вертись? — Блез дергал ус, чтобы убедиться — он его не перекусил.

— Там, — Головешка указал на дно лодки, заваленное свертками с золотыми монетами, — руины Прежних.

Зная, что тот в таких вещах ошибается чрезвычайно редко, мы попытались увидеть их сами. Что нас едва не погуби-

ло: все почему-то перегнулись через правый борт. Именно тот, который уже и без того был с креном. И даже Барри встал на него передними лапами, после чего на всякий случай гавкнул несколько раз подряд.

Хвала богам, лодка не перевернулась. И даже не зачерпнула воду. Почему-то ни мне, ни другим совсем не хотелось проверять: хватит ли силы мешкам с воздухом удержать лодку на плаву в том случае, если та наберет воды полностью.

Но руины действительно там были, причем неглубоко. Рассматривая их, мы с Блезом окунали головы с разных бортов. На Блезе было надето устройство, которое позволяло видеть так далеко, как не позволяет самая мощная зрительная труба. Ну а мне оно без надобности. Вынув головы из воды, мы с ним переглянулись.

— Явно золотая, — сказал он, на что я кивнул, соглашаясь.

— Кто золотая? — Рейчел голову в воду окунать не стала, и потому ничего увидеть не смогла.

— Статуя.

— Попробуем достать? — Блез снова взглянул на меня.

— Попробуем. Только я все сделаю сам. — Блез — ныряльщик неплохой, но тут и для одного работы — плевое дело. Накинуть статуе веревку на шею, а затем только и останется, что вытянуть ее наверх.

— А вдруг акулы? — Рейчел смотрела на меня с тревогой.

— Придется на этот случай Теодору и второй сапог сжечь, — пошутил я. И, чтобы успокоить ее, уже серьезно добавил: — Тут неглубоко; я быстренько, они даже ничего понять не успеют. Готовьте шкертик¹.

Блез кивнул и полез за веревкой. Головешка, которого Гаспар, еще и часа не прошло, на этот раз назвал Иступленным Адмиралом (правда, я не без основания полагал, что имелось в виду слово «иступленный» — от «тупость»), сделав недоуменное лицо, спросил:

— Лео, что тебе готовить?

— Трюма́ под погрузку золота, — пробормотал я, обвываясь веревкой и вываливаясь за борт.

¹ Шкертик (морск.) — трос, тросик; лить; конец. — *Здесь и далее примеч. авт.*